ДМИТРИЙ
ЛАРШИН

ИЛЛЮЗИЯ СПАСЕНИЯ

РОМАН

Дмитрий Ларшин

Иллюзия спасения

https://litres.ru/74754229
SelfPub; 2026

Аннотация

Ваня вырос в детском доме и давно ничего не ждёт от людей. Таня пишет диссертацию об одиночестве и разбирается в чужой боли лучше, чем в собственной. Случайная встреча на ночной заправке превращается в зиму, которая могла бы изменить обоих. Роман о доверии, молчании и о том, как одно неверное решение меняет две жизни.

Содержание

Глава 1. Колонка номер четыре 5
Глава 2. Вычет 18
Г 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Дмитрий Ларшин
Иллюзия спасения

ИЛЛЮЗИЯ СПАСЕНИЯ

Дмитрий Ларшин

Глава 1. Колонка номер четыре

Ночная смена начиналась в девять вечера и заканчивалась в восемь утра. Ваня давно перестал считать эти одиннадцать часов временем. Время — это когда что-то происходит, а здесь происходили только машины.

Заправка стояла на Выборгском шоссе, там, где город уже закончился, а посёлки ещё не начались. Четыре колонки под жёлтым козырьком, магазин на двадцать квадратных метров, мойка самообслуживания, которая вечно не принимала купюры. Осенью, в конце октября, козырёк гудел от ветра так, что Ваня научился различать по звуку, пойдёт дождь или просто сыро. Сегодня должен был пойти. Он уже чувствовал это в левом колене, которое он сломал в четырнадцать, упав с чердачной лестницы, и которое с тех пор работало как барометр.

— Вань, ты чай будешь? — крикнула из магазина Жанна.

— Нет.

— Я не спросила бы, если бы не заварила на двоих.

— Тогда буду.

Жанне было пятьдесят три, она работала на этой заправке дольше, чем Ваня жил в Петербурге, и считала своим долгом кормить, поить и воспитывать любого, кто оказывался с ней в одну смену. Ваню она кормила уже третий год. Он не просил. Она не спрашивала. Это была их единственная догово-

рённость, и обоих она устраивала.

Он зашёл внутрь, стряхнул капли с куртки и взял кружку. Чай был крепкий, с лимоном, в кружке с отбитой ручкой. Жанна сидела за кассой и разгадывала сканворд, прижимая очки к переносице пальцем.

— Река в Италии, пять букв.

— Не знаю.

— Ты никогда не знаешь.

— Я и не должен.

— Ты молодой, тебе положено всё знать, — сказала она, не поднимая головы. — Это у меня уже память как решето.

Он промолчал. Ему было двадцать восемь, и молодым он себя не чувствовал ни одного дня. Не потому, что случилось что-то страшное. Скорее потому, что ничего не случилось вовремя.

Он прислонился к стеллажу с автомобильными маслами и стал смотреть через стекло на пустые колонки. Лужи на асфальте расплылись в жёлтые пятна. Где-то далеко, на шоссе, прошла фура, и стёкла в витрине дрогнули.

— Десять вечера, — сказал он зачем-то.

— Ну и?

— Ничего. Просто сказал.

Жанна наконец посмотрела на него поверх очков. Взгляд у неё был такой, каким смотрят на сломанный бытовой прибор: то ли чинить, то ли выбросить.

— Ты хоть ел сегодня?

— Ел.
— Что?
— Гречку.
— С чем?
— С гречкой, Жанна.

Она фыркнула и вернулась к сканворду. Из подсобки она вытащила контейнер, поставила на прилавок и пододвинула к нему двумя пальцами, как шахматную фигуру. Там были котлеты и макароны. Ваня постоял, потом взял вилку. Спорить было дороже.

Он ел стоя, глядя в окно, и думал о том, что в детском доме вот так же ел стоя, у окна в раздаточной, пока другие шумели за столами. Не потому что его не звали. Звали, и не раз. Просто стоя можно было уйти быстрее. Привычка пережила и сам детский дом, и пятнадцать лет после него.

Детским домом это называлось только в документах. Для тех, кто там жил, это место было просто «домом», с маленькой буквы и в кавычках, которые все слышали, но никто не произносил вслух. Ваню привезли туда в четыре года, и биография его уместилась бы в два предложения: мать лишили прав, отец в документах не значился. Всё остальное он досочинил сам. Сначала придумал, что мать была лётчицей и погибла. Потом, лет в девять, понял, что так не бывает, и придумывать перестал совсем.

Он помнил запах. Хлорка, каша на воде и сырые носки, которые сушили на батареях в коридоре. Помнил, что у

воспитательницы Нины Павловны были тёплые руки, и ещё помнил, как её уволили, когда он научился к ним привыкать. Воспитатели в «доме» менялись быстро. Он быстро понял правило: привязываться — значит потом терять. Правило оказалось универсальным. Оно работало и с людьми, и с игрушками, и даже с кроватью у окна, которую у него отобрали в шесть лет старшие.

Звякнул колокольчик над дверью.

— Добрый вечер, — сказал мужчина в мокром плаще. — Девяносто второй, полный бак.

— Касса, — коротко ответил Ваня.

Мужчина оплатил, Ваня вышел под дождь. Козырёк уже не спасал: ветер заносил капли под него боком. Он поднял воротник, снял пистолет с четвёртой колонки, вставил в горловину, щёлкнул фиксатором. Бак у «Тойоты» был большой, наполнялся долго. Ваня постоял, глядя на цифры, потом на тёмное шоссе. Цифры бежали. Литры, рубли, литры, рубли. Ничего другого он в них не видел.

Забрав чек, мужчина уехал. Колонка затихла. Ваня вернулся в магазин, и Жанна, не отрываясь от сканворда, сказала:

— Волга.

— Река в Италии. Нет, подожди, пять букв. По. Это два. Тьфу.

— Тибр, — сказал он.

— Четыре.

— Значит, не знаю.

— Ты же сказал — Тибр!

— Он вспомнился. Я не обещал, что подойдёт.

Жанна вписала что-то карандашом и довольно хмыкнула.

— Это Арно, — сказала она. — А я-то думала. Видишь, и ты на что-то годишься.

Следующие два часа были пустыми. Один раз заехал таксист на «Рено», заправился на тысячу и долго пил кофе из автомата, стоя у обогревателя и жалуясь на пробки, хотя никто не спрашивал. Один раз подросток на мопеде купил жвачку и зачем-то спросил у Вани, есть ли у них туалет. Туалета не было. Подросток обиделся и уехал. Ваня подумал, что обида — это тоже способ присутствовать в чужой жизни. Он не умел обижаться. Не потому, что был добрым. Просто для обиды нужно ожидать от человека хоть чего-то.

К полуночи дождь пошёл по-настоящему.

Он стоял у окна, и колено ныло, и в голове было то особое пусто-ровное состояние, которое он про себя называл «водой в ведре»: ни волн, ни мыслей, только вода, налитая до края. Иногда эта вода начинала тихо плескаться, и тогда приходили мысли, от которых он старался уйти, как от плохой дороги. Мысль была простая. Если завтра он не выйдет на смену, никто не заметит до тех пор, пока Жанна не позвонит с вопросом, где его носит. А если не ответит и тогда, то вряд ли заметят и после.

Он не думал об этом как о желании. Нет, до желаний было

далеко. Скорее как о факте, вроде погоды: есть, и всё.

— Ваня, ты опять смотришь, — сказала Жанна.

— Куда?

— Никуда. Вот туда, где никого нет.

— Работа такая.

— Работа такая: деньги брать и бензин лить, а не в стекло пялиться, — сказала она беззлобно. — Сходи, поправь пистолеты. Хоть двигайся.

Он взял и вышел. Попровлять было нечего, асфальт был мокрым насквозь, но он добросовестно прошёл вдоль всех четырёх колонок, вытирая экраны. Приятно было занять руки. Руки у Вани были хорошие, широкие, с ссадинами от металла, и он про них иногда думал отдельно от себя: вот эти делают, что нужно, и не спрашивают зачем.

Серую «Поло» он увидел сначала по фарам. Они повернули с шоссе, мазнули светом по лужам и остановились у четвёртой колонки. Машина была чистая, с недавней мойки, но уже забрызганная до порогов. Стекло водителя опустилось на два пальца.

— Здравствуйте, — сказал женский голос. — А можно девяносто пятый? До полного, только не переливайте, пожалуйста, у меня там из под крышки бака течет.

— Касса справа, — сказал Ваня.

— Конечно, — сказала она и вышла.

Он не собирался смотреть. Просто так вышло: она вышла, и свет козырька лёг ей на лицо. Невысокая, в светлом пальто,

которое совсем не подходило для этой погоды, с волосами, собранными в хвост кое-как, вперемешку с прядями, выбившимися от ветра. В руках у неё были сразу и ключи, и телефон, и папка, прижатая к груди. Она пыталась одновременно закрыть дверь локтем и найти карту. Папка поехала вниз, листы вылетели веером на мокрый асфальт.

— Ой, господи, — выдохнула она.

Он не двинулся. Потом всё-таки присел и начал собирать листы с земли. Бумага размокла по краям, чернила на первой странице расплылись. Название он прочитал помимо воли, глаза сами зацепились. Что-то про депрессивные расстройства и социальную изоляцию. Он протянул ей стопку, не глядя.

— Спасибо вам огромное. Это... вы не представляете, это мне завтра к восьми утра нужно отдать, и я, наверное, уже никогда не смогу это нормально напечатать заново, — быстро заговорила она. — Простите, я не должна на вас это вываливать. Я просто очень устала.

— Касса справа, — повторил Ваня.

Она кивнула, как будто он сказал что-то осмысленное, и пошла в магазин. Через минуту вернулась с чеком.

Он вставил пистолет в горловину, нажал на рычаг, щёлкнул фиксатором. Цифры побежали. Он стоял рядом, смотрел, как она садится в машину и подсвечивает себе лицо экраном телефона, как пытается что-то прочитать, как прижимает ладонь ко лбу. Она была из тех людей, которые вы-

глядят усталыми даже во сне. Он не знал, откуда это знает. Просто знал.

Колонка щёлкнула: бак был полный. Цифры замерли. Ваня положил ладонь на ручку пистолета и вдруг подумал не о нём, а о той странице, которую она поймала над асфальтом. «Социальная изоляция». Слова были чужие и аккуратные, как зубы на витрине. Он тряхнул головой, чтобы отогнать нелепую мысль, и сделал полшага к окну водителя.

— Всё, — сказал он, чтобы сказать что-нибудь, и кивнул.

Она подняла голову, увидела этот кивок и, наверное, решила, что он уже закончил. Что ей ещё оставалось решить? Она вернула телефон на панель, повернула ключ, выжала сцепление. Машина вздрогнула и пошла вперёд.

Он понял всё одновременно с тем, как услышал звук. Не лязг даже, а короткий сухой хруст, будто сломали толстую ветку. Шланг дёрнулся и вытянулся, пистолет остался торчать из горловины, а потом, вырванный вместе с кусками фиксатора, пополз по крылу, оставляя за собой дорожку белых царапин на краске. Разрывная муфта сработала со вторым хрустом. Бензин плеснул из обрыва и ушёл в лужу, радужной плёнкой растекаясь по асфальту.

— Стойте! — крикнул Ваня. — Стойте, стойте!

Машина встала. Колонка издала длинный жалобный писк. Над козырьком загорелась красная лампа, и этот цвет залил всё вокруг: мокрый асфальт, её пальто, его руки, зависшие в воздухе. Бензиновый запах ударил в нос так резко, что у

него на секунду потемнело в глазах.

Она выскочила из машины, даже не заглушив двигатель.

— Что случилось? Что я сделала? Господи, я задела колонку? Я ведь видела, что вы сказали «всё»...

— Я не говорил «всё».

— Но вы сказали...

— Я сказал «всё» себе. Не вам.

Это была ложь, и он тут же понял, что она тоже слышала, что это ложь. Но она не стала спорить. Она смотрела на торчащий из горловины пистолет, на оборванный шланг, на лужу, отливающую жирной радугой, на красный огонь над головой. Волосы у неё промокли и прилипли ко лбу.

— Я сейчас вызову... кого вызывают в таких случаях? Я позвоню в страховую, там есть какая-то процедура, у меня ОСАГО, я заплачу, обязательно заплачу, только скажите, сколько это...

— Не надо.

— Как не надо? Я же повредила...

— Не вы. А я.

— Простите?

Он вытащил из горловины то, что осталось от пистолета, положил его на край колонки, отёр ладонь о штаны. Говорил он ровно, без выражения, так же, как говорил бы о погоде.

— Я не убрал пистолет из бака. Это моя оплошность. Муфта дешёвая, заменят. Из моей зарплаты вычтут. Это нормально.

— Подождите, — сказала она быстро и сбилась. — Подождите, но это же нечестно. Я ведь... я тронулась, не посмотрев, это я должна была убедиться... Знаете, когда человек усталый, он часто полагается на автоматизм, на чужой сигнал, и вот так получается, и это не значит, что...

— Это значит, что я виноват.

Она замолчала. Он увидел, как у неё дёрнулись губы, как будто она хотела сказать что-то ещё и передумала. Она смотрела на него снизу вверх, и во взгляде не было ни испуга, ни обиды, только внимание, слишком пристальное, как у человека, привыкшего разбирать чужое лицо на составные части. Ему стало неуютно. Захотелось отвернуться, но он не отвернулся: это было бы слишком заметно.

— Вам не холодно? — спросила она вдруг.

— Вы без шапки. Дождь. Вы здесь давно стоите?

— Мне положено.

— Положено мёрзнуть?

— Положено так работать.

Она ещё секунду помолчала, потом кивнула. Не соглашаясь, а скорее принимая к сведению. Открыла дверцу, достала что-то с пассажирского сиденья и протянула ему. Это была сложенная вчетверо салфетка в упаковке, из тех, что дают в кафе.

— Хотя бы руки вытрите. Бензин вонючий.

Он взял. Она села в машину. Окно поехало вниз, и он ждал, что она скажет ещё что-нибудь: попросит номер, оста-

вит телефон, назовёт сумму. Но она посмотрела на него долгим взглядом и сказала только:

— Извините.

Стекло поднялось. «Поло» осторожно, будто боясь задеть что-то ещё, выехала с площадки и вышла на шоссе. Красные огни её фар пошли вдаль и растворились в дожде. Ваня остался стоять с салфеткой в руке, под красной лампой, под гулом козырька, над растёкшейся по асфальту радугой.

Жанна уже была рядом. Он не слышал, как она вышла.

— Ну что, — сказала она. — Оторвали пистолет

— Муфта сработала.

— Девочка?

— Да, девчонка

— Ты на неё не кричал?

— Нет, я виноват сам

— И правильно. А записал номер?

— Нет, зачем?

— Ваня!

— Зачем? Это был мой косяк.

Жанна вздохнула так, как вздыхают на человека, который говорит очевидную глупость и при этом совершенно искренне в неё верит. Она взялась за ветошь, присела, начала вытирать лужу вокруг колонки. Он принялся ей помогать. Они работали молча.

— Знаешь, — сказала Жанна, не поднимая головы. — Хорошая она была. Я через окно видела. Волновалась очень.

— Я заметил.

— Заметил, а повёл себя как чурбан.

— Я повёл себя нормально.

— Вот именно. Нормально. А надо было по-человечески, — сказала она, выпрямляя спину и охая. — Ты же не робот.

Он промолчал. Что можно было ответить? Что робот проще? Что у робота нет ничего, что можно потерять? Это звучало бы слишком жалобно, а жалоб он не любил.

К утру муфту заменили. Аварийная бригада приехала на рассвете, двое хмурых мужиков в оранжевых жилетах, и пока они возились, Ваня стоял в стороне и смотрел на ободранную полосу краски на колонке, там, где металл, вырванный пистолетом, оставил свой след. Один из мужиков спросил, кто это сделал. Ваня сказал, что он. Мужик посмотрел на него с интересом и ничего не ответил.

В восемь утра сменщик, весёлый рыжий парень по имени Рафик, пришёл с двумя пирожками и рассказом про свою тёщу. Ваня слушал вполуха, стягивая рабочую куртку.

— Ты чего такой? — спросил Рафик.

— Какой?

— Ну, пришибленный.

— Да я обычный

— А, ну да, — согласился Рафик. — Обычный.

Ваня вышел на улицу. Дождь кончился, воздух стал прозрачным и холодным, над шоссе висела бледная полоса света. Он постоял на краю площадки и вдруг вспомнил, что в

кармане у него всё ещё лежит та самая салфетка. Он вытащил её, повертел в пальцах. Салфетка была чистая, белая, с едва уловимым запахом ванили. Выбросить её было проще всего: урна стояла в трёх шагах.

Он убрал её обратно в карман и пошёл к остановке.

Колено ныло. Но он давно привык к этому звуку, и потому шагал ровно, не оглядываясь, как всегда, и не думая о том, что где-то в городе, в светлой квартире на другом берегу Невы, сейчас, в эту самую минуту, женщина в мокром пальто сидит над испорченной стопкой бумаги, пытаясь вспомнить, какая именно фраза о чужом одиночестве показалась ей сегодня такой знакомой.

Глава 2. Вычет

Комната, которую Ваня снимал в Мурине, находилась на седьмом этаже панельной девятиэтажки и принадлежала Галине Фёдоровне, вдове железнодорожника. Галина Фёдоровна жила в соседней комнате и считала, что сдавать жильё одинокому молодому человеку безопаснее, чем семейной паре: семейные ругаются, а одинокие молчат. Ваня молчал так хорошо, что в первые полгода она заглядывала к нему проверить, не умер ли.

Теперь она привыкла. Утром, когда он возвращался со смены, на кухне его ждала накрытая тарелкой каша, и это не обсуждалось.

В то утро каши не было. На столе лежала записка, написаннаякрупными круглыми буквами: «Уехала к сестре в Гатчину до среды. Кран на кухне капает, не трогай, я мастера вызвала». Ваня прочитал, положил записку на место и постоял посреди кухни, прислушиваясь. Кран действительно капал. Капли падали в раковину редко и тяжело, с равными промежутками, и каждая звучала чуть громче предыдущей, пока он не поймал себя на том, что считает.

Он заставил себя выйти из кухни.

Комната была девять квадратных метров. Кровать, стол, шкаф с заедающей дверцей и подоконник, на котором стоял единственный предмет, не имевший практического смысла,

— алоэ в пластиковом стаканчике. Алоэ ему отдала Жанна два года назад со словами «чтоб в доме хоть что-то зелёное было», и растение, к его собственному удивлению, не погибло. Ваня не поливал его специально. Он просто иногда, проходя мимо, плескал в стаканчик остатки чая.

Он лёг не раздеваясь, поверх покрывала. Потолок над кроватью был в мелких трещинках, которые он знал наизусть, как знают линии на ковре. Одна трещина шла к люстре, вторая огибала её и уходила в угол, третья была короткой и никуда не вела. Он любил третью.

Заснуть не получалось. Колено ныло, голова была тяжёлой, но сон не шёл. Это случалось после ночных смен нечасто, и он знал причину. Не нужно было притворяться перед самим собой: причина лежала в кармане куртки, в куртке на спинке стула. Салфетка.

Он встал, достал её, посмотрел, как смотрят на найденную чужую вещь, и положил на стол. Потом, подумав, убрал в ящик, под стопку квитанций. В ящике она казалась менее заметной. Это не помогло.

Когда он закрыл глаза, перед ним возникло не её лицо, а страница с расплывшимися чернилами. «Социальная изоляция». Почему-то именно эти два слова. Он ворочался с боку на бок и думал, что слова бывают, как поводки: чужие, а тянут. Потом всё-таки заснул, глубоко и без снов, и проспал до трёх часов дня.

* * *

Ведомость по зарплате администратор Станислав Игоревич выдавал по пятницам, в маленьком кабинете, где стояли три стола, шкаф с папками и огромный фикус, давно превратившийся в часть интерьера. Станислав Игоревич был сорокапятилетним человеком с мягким голосом и тяжёлым взглядом. Он никогда не повышал тон, и эта вежливость пугала сильнее крика.

— Присаживайтесь, Иван, — сказал он, когда Ваня вошёл. — Хочу поговорить о происшествии.

— О каком?

— О том, что произошло в ночь на четверг.

Ваня сел. Бумага, лежавшая перед администратором, была заполнена мелким почерком, внизу стояла печать. Он не стал читать её вверх ногами.

— Акт составлен, — сказал Станислав Игоревич. — Повреждена разрывная муфта и шланг. Кроме того, выведена из строя ручка пистолета и пострадало лакокрасочное покрытие колонки. Ремонтная бригада выставила счёт. Тринадцать тысяч двести рублей.

Ваня молчал. Он считал в уме. Столько он зарабатывал примерно за две недели, если не считать ночных надбавок. Две недели жизни. Он вспомнил, как стоял в красном свете и говорил той девушке «из моей зарплаты вычтут» с такой лёгкостью, будто речь шла о монете, а не о половине зарплаты.

— Вы признаёте вину?

— Признаю.

— Вы не пытались взыскать ущерб с водителя?

— Почему?

— Потому что вина была моя.

Станислав Игоревич смотрел на него молча. Потом откинулся на спинку стула и сложил руки на животе.

— Иван, — сказал он наконец. — Я не из тех, кто любит вызывать чувство вины. Мне нужно понимать, кто виноват, чтобы такого не повторилось. Вы согласны, что водитель мог сыграть здесь свою роль?

— Мог.

— Но вы не хотите на неё перекладывать.

— Хм, — сказал Станислав Игоревич. — Знаете, я двадцать лет в этом бизнесе, и впервые вижу сотрудника, который отказывается от шанса снять с себя ответственность. Обычно все наоборот: придумывают водителю грехи, которых тот не совершал.

— Мне не нужен шанс.

— Это я уже понял.

Администратор снова что-то отметил в бумаге. За окном кабинета проехал бензовоз, и стёкла дрогнули в рамах.

— Я не буду удерживать всю сумму, — сказал он. — Закон в таких случаях не позволяет удержать больше определённой доли месячной зарплаты, а я не хочу доводить вас до нуля. Вычтем в этом месяце шесть четыреста, остальное растянем на два следующих. Согласны?

— Да, отличный вариант

— Хорошо. Подпишите здесь и здесь.

Ваня подписал. Подпись у него была мелкая, острая, без росчерка. Станислав Игоревич собрал бумаги, и когда Ваня уже встал и взялся за дверь, окликнул его:

— И ещё, Иван.

— Да?

— Постарайтесь на следующей смене немного поспать днём. Вид у вас такой, будто вас сутки не кормили и не будили.

— У меня обычный вид, впрочем я всегда такой

— Именно это меня и беспокоит, — сказал администратор и вернулся к своим бумагам.

Ночью шёл мелкий дождь без ветра, такой, что козырёк почти не гудел. Приехали фуры, потом стояла тишина, потом несколько легковых, и среди них ни одной серой «Поло». Ваня ловил себя на том, что смотрит на въезд, и каждый раз переводил взгляд на колонки, на асфальт, на лужи. Это раздражало. Он не любил в себе то, что не мог объяснить.

— Ты чего дёргаешься? — спросила Жанна.

— Не дёргаюсь.

— Дёргаешься, как заяц. Хочешь, расскажу, чего ты ждёшь?

— Не хочу.

— Девочку ту.

— Я никого не жду.

— Ага, — сказала Жанна. — Конечно.

Он ушёл к колонкам, чтобы не продолжать разговор, и стал по привычке протирать экраны. Рядом, у третьей колонки, что-то блеснуло. Он наклонился. Между бордюром и основанием лежал сложенный вдвое листок, промокший до такой степени, что уже потерял форму. Он поднял его, развернул под лампой и узнал текст.

Это был один из тех листов, что вылетели из папки. Видимо, ветер унёс его под колонку, а он пролежал здесь двое суток, пока дождь не размочил края. Печатный текст, плотный, абзацами, с цифрами и сносками. Чернила слегка расплылись, но читать можно было. Сверху стоял колонтитул: «Лебедева Т. А., аспирантка кафедры клинической психологии».

Он не должен был читать. Но стоял один, под козырьком, и никто на него не смотрел.

«Феномен эмоциональной изоляции у лиц, не имевших в детстве устойчивой привязанности, нередко принимает форму внешне адаптивного поведения. Человек выполняет социальные роли, поддерживает формальные контакты, не проявляет жалоб, и лишь тщательное наблюдение позволяет заметить, что за благополучным фасадом скрывается устойчивое переживание собственной ненужности. Именно эта скрытая форма депрессии наименее изучена в силу того, что носители её редко обращаются за помощью и склонны объяснять своё состояние объективными обстоятельствами».

Он прочитал абзац один раз. Потом ещё раз. Рука, державшая листок, стала тяжёлой.

«Внешне адаптивного поведения». «Не проявляет жалоб». «Объективными обстоятельствами». Всё было про кого-то другого, про какого-то абстрактного носителя, которого автор разбирала на части, как механизм. И всё же было так, словно кто-то взял у него из кармана его собственные мысли, тщательно рассмотрел и вернул обратно, снабдив подписями.

Он сложил листок вчетверо и положил в карман. Не хотел так делать, но сделал. Вернулся в магазин.

— Нашёл что? — спросила Жанна.

— Мусор.

— Мусор складывают в урну.

— Я потом выкину.

— Ваня.

— Ничего, — сказала она, глядя на него поверх очков. — Иди чай пить.

Он пошёл.

Дни потянулись один за другим, неотличимые друг от друга, как капли из неисправного крана. Он просыпался после обеда, ел, что оставляла Галина Фёдоровна, возвращённая из Гатчины в среду и сразу же взявшаяся командовать мастером. Мастер оказался человеком крупным и неразговорчивым, он возился с краном два часа и ушёл, оставив после себя запах табака и обещание «потом ещё зайти». Ваня к

нему привык за этот вечер и даже пожалел, когда тот ушёл. Это было странное чувство: жалеть о чужом человеке, с которым за два часа было сказано шесть слов.

Один раз ему позвонил Серёга Мальцев, с которым они вместе жили в «доме». Звонил он раз в год, обычно в октябре, и всегда пьяный.

— Вань, привет, брат, — кричал он в трубку. — Ты там как? Живой?

— Живой.

— Слушай, я тут вспомнил, как мы с тобой тогда в подвал лазили... помнишь? Ты ещё упал с лестницы...

— С чердака.

— Ага, с чердака! — захохотал Серёга. — А я тебя на себе тащил! Помнишь, как тащил? Ты, дурак, молчал всю дорогу, а потом сказал: спасибо. И я охренел. Я думал, ты никогда никому спасибо не скажешь!

— Я тогда не тебе сказал.

— А кому?

— Уже не помню.

Серёга замолчал, и Ваня слушал, как на том конце что-то звякает, то ли бутылка, то ли ложка.

— Эх, Ванька, — сказал Серёга. — Ты такой же. Совсем не изменился. Слушай, а у тебя девушка есть?

— И не было?

— Ну ты даёшь... А я вот женился. Не вышло. Развелись. Сына вижу по выходным. Вот так. Ладно, ты это... держись

там.

— Ты тоже.

Они положили трубки. Ваня постоял у окна, глядя на гаражи, на мокрый чёрный двор и на вереницу света в окнах напротив. Серёга был единственным человеком, помнившим его с детства, и именно с ним было невозможно поговорить. Слишком много общих воспоминаний мешали сказать что-либо новое.

В субботу вечером, на следующей неделе, Ваня заметил, что у него в голове появилась мысль, которую он не звал. Мысль была простая и нелепая: интересно, донесла ли она тогда бумаги до своего профессора вовремя.

Он отогнал её, как отгоняют муху. Муха вернулась.

Он стоял на смене в магазине один, потому что Жанна ушла в подсобку считать накладные. Мимо кассы прошёл мальчик лет восьми с отцом, оба в одинаковых синих куртках, и мальчик спросил: «Пап, а можно мне чипсы?» — а отец, не глядя, ответил: «Можно, только не весь пакет сразу». И мальчик взял чипсы, сунул в руки отцу и убежал смотреть на жвачки. Это было так просто, так ничтожно, что Ваня почувствовал, как у него внутри что-то коротко и тупо сжалось. Не боль, нет. Скорее эхо боли, которая давно перестала быть болью и стала архитектурой, вроде несущей стены.

Он пробил чипсы, назвал сумму, получил деньги. Отец поблагодарил, мальчик помахал ему рукой. Ваня кивнул.

Когда они вышли, он достал из кармана сложенный листок

и перечитал абзац. Потом прочитал следующий:

«Особого внимания заслуживает вопрос о способности такого человека принимать помощь. Опыт показывает, что ранняя депривация формирует устойчивое недоверие к заботе: любое проявление участия воспринимается как потенциальная угроза, как предвестие утраты. Поэтому профессиональная работа с данной категорией требует предельной деликатности и длительного установления контакта».

— Деликатности, — произнёс он вслух.

Звук собственного голоса в пустом магазине показался ему чужим. Он усмехнулся, коротко и невесело. Деликатности. Кто-то где-то сидит в тёплой комнате и вычисляет, как с ним нужно обращаться. Не с ним, конечно, с абстрактным носителем. Но было что-то обидное в этой абстрактности: словно человека можно описать, не будучи с ним знакомым.

Сложив листок, он вдруг заметил на обороте карандашную запись. Тонкие, быстрые буквы, наклоненные влево: «Позвонить Алине — обсудить гл. 2. И не забыть про маму». Рядом цифры. Номер телефона, шестнадцати— нет, одиннадцатизначный, с кодом. Он смотрел на запись, и сердце у него сделало что-то неожиданное, нелепое, ускорилось.

Это был чужой номер. Не её собственный: на обороте стояло «позвонить», значит, номер принадлежал кому-то другому. Но под ним, мелко, в самом низу, было дописано ещё: «Т. — не забыть купить кофе, закончился». И ниже, зачёркнутое: «спросить у Марка Исаевича про выборку».

Он перечитывал эти строчки, пока не заболели глаза. Обыкновенная записка. Кофе закончился. Мама. Выборка. Люди ведут такую жизнь: с кофе, с мамой, с выборкой. Ему и в голову не приходило, что в чужой записке может быть столько жизни.

Он не позвонил по номеру. Он даже не подумал о том, чтобы позвонить. Но убрал листок не в карман, а в нагрудный, под рабочую куртку, ближе к телу.

В следующую среду, в пять вечера, когда он ещё спал, ему позвонила Жанна.

— Ванька! — сказала она голосом, в котором звенело что-то совсем нехарактерное. — Выходи на смену пораньше. Сегодня Рафик заболел, а у меня давление.

— Во сколько?

— К шести.

— Хорошо.

— Ты там не придумывай. Просто приходи.

— Я и не придумываю.

— Не придумывай, — повторила она и повесила трубку.

Он долго лежал, глядя в потолок. Что-то в её голосе его насторожило, но он не мог понять, что именно. Потом встал, побрился, надел чистую рубашку, хотя форма всё равно закрывала её целиком. Это было нелогично. Он никогда не надевал чистую рубашку специально.

Он вышел из дома и пошёл к остановке, и не знал, что именно в этот день, в этот самый час, к заправке подъедет

серая «Поло», водитель которой пришёл не только заплатить за ущерб, но и разобраться наконец, почему человек, не сказавший ей и трёх слов, застрял в её голове крепче всех её собственных проблем.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.